

Общий вывод Олло по поводу римской внешней политики тех лет можно было бы сформулировать так: да, Рим воевал, но не воевать—значило простить Филиппу его деятельность во вред Риму.

Вряд ли эта дискуссия способствовала выяснению вопроса о международных отношениях Средиземноморья на рубеже III и II вв. до н. э. Произошло же это потому, что оба автора представляют себе Рим как решающую силу в международных отношениях, отказывая тем самым Греции и Македонии, и Сирии, и другим государствам в праве иметь свою собственную политику, свои задачи в этой области, о чем с такой убедительностью говорят данные, приводимые Полибием.

Отдавая должное эрудиции Олло, тем не менее, надо отметить, что, судя по его историко-философским предпосылкам и выводам по основным вопросам периода проникновения Рима на Восток, зарубежная историография зашла в тупик. У столь крупного историка, каким является Олло, приходится отметить бесперспективность положений и установок.

Исходя из романоцентрической точки зрения, т. е. в конечном счете из предпосылки о предопределенности Риму господствовать в Средиземноморье, о несравнимости его сил по отношению к возможностям его противников, Олло тем самым считает обреченными заранее сойти со сцены истории или так и не вступать на нее другие государства и народы, к которым судьба, «случай» были менее благосклонны. Это—теория об «исторических» и «неисторических» народах, несостоятельность которой опровергнута исторической действительностью. Все это в основном объясняется полным отказом автора исследовать внутреннюю подоплеку исторических событий, борьбу самих народов. Все это происходит в результате того, что Олло не видел решающего значения борьбы масс греческого Востока, потрясавшей древний мир на рубеже III и II вв. до н. э. Концепция Олло свидетельствует о том, что автор ее «случайно» или нет, является аналогом римского империализма.

П. Н. Тарков

ЭТНИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ РИМСКОГО ВОЙСКА НА ДУНАЕ

Как известно, к началу III в. н. э. дунайское войско приобретает особенно важное значение в Римской империи. Оно поставляет солдат в преторианскую гвардию, его офицеры достигают в государстве высших командных постов, вплоть до императорского трона. Большинство императоров середины III в. выдвигаются иллирийскими легионами.

Обычно это преобладание дунайской армии объясняют, во-первых, ее численностью, обусловленной перемещением центра тяжести обороны империи с Рейна, где оставалось лишь 4 легиона, на Дунай, где к III в. стояло 10 легионов, а во-вторых, большой физической выносливостью, храбростью и боеспособностью иллирийских солдат, которые давали им преимущество перед войском восточных провинций, столь же многочисленным, но более слабым ввиду меньшей пригодности уроженцев Востока к военной службе. Однако здесь могли сыграть роль и другие причины, для выявления которых интересно будет выяснить изменения, происшедшие в III в. по сравнению со II в. в этническом и социальном составе дунайского войска.

Соответственных данных немного. В литературных источниках их вовсе нет. Основным материалом являются надписи. В подавляющем большинстве это эпитафии и небольшие сакральные надписи; имеется лишь несколько списков, получивших в разное время отставку ветеранов.

Поэтому и выводы по этому вопросу будут носить очень гипотетический характер. Рассмотрим данные по отдельным дунайским провинциям.

В Н. Мезии стояли легионы I Italica и XI Claudia. Для II в. мы имеем список весталлий легиона Italica 155 г. (CIL, III, 7479), содержащий 71 имя. В этом списке 11 человек—греки или уроженцы восточных, эллинизированных провинций. Далее

имеется еще ряд отдельных надписей II в., упоминающих солдат такого же происхождения (CIL, III, 7474, 744, 971, 2010, 756, 997, AE, 1902 № 128). Судя по ним, греки и уроженцы М. Азии занимают во II в. довольно значительное место в легионах Н. Мезии. В III в. появляется значительное число солдат, носящих местные фракийские имена¹ и получивших римское гражданство, судя по именам, только в связи с военной службой.

В Верхней Мезии стояли легионы IV Flavia и VII Claudia.

Для последнего мы имеем два списка ветеранов—один перечисляет солдат, принятых в 134 и 135 гг. и отпущенных при Антонине Пии и Вере (CIL, III, 8110), другой—солдат, принятых в 169 и отпущенных в 195 г. (Österreich. Jahreshefte, 1900, стр. 113—114). Первая надпись, к сожалению, очень испорчена, на ней сохранились всего 36 имен из 239, да и те недостаточно разборчивы. Однако можно разобрать, что 6 из них—греческие. Мы видим, что пропорция, примерно, та же, что и в списке *immunes* легиона XI Claudia. 14 человек, видимо, получили гражданство при вступлении в легион, так как носят имя Элиев. Остальные были давнишние римские граждане.

Во втором списке приводится 100 имен ветеранов с указанием места их происхождения. Подавляющее большинство является уроженцами городов дунайских провинций. 12 человек происходят из Фракии, 2 из Македонии. Восточных уроженцев вовсе нет, что, вероятно, обусловлено истощением восточных провинций в связи с парфянской и армянской войнами и эпидемией чумы при Марке Аврелии.

Интересно отметить, что в первые десятилетия III в. здесь появляются солдаты с семитскими именами, вероятно, уроженцы Сирии и Пальмиры.

Итак, мы видим, что в войске Верхней Мезии, так же, как и в Н. Мезии, греки и азиаты во II в. были довольно широко представлены. Отличие состоит, видимо, в том, что легионы В. Мезии состояли и во II и в III вв. из более романизованных элементов—в надписях гораздо меньше местных имен, большинство солдат носит чисто римские имена и, вероятно, имеют гражданство до поступления на военную службу, так как имен, происходящих от имен императоров, значительно меньше.

В Дакии стояли легионы V Macedonica и XIII Gemina. Первый из них был переведен сюда из Н. Мезии в промежутке времени между Марком Аврелием и Септимием Севером, что позволяет легче датировать его надписи.

Список ветеранов этого легиона от 134 г., т. е. из времени его пребывания в Мезии (CIL, III, 6178), содержит 125 имен. Все они—чисто римские; очевидно все эти солдаты были гражданами до вступления в легион, так как среди них не встречается Ульпиев, т. е. лиц, которые бы получили гражданство только на военной службе².

К III в. могут быть отнесены надписи из времени пребывания легиона V Macedonica в Дакии. Из них только одна упоминает солдата с фракийским именем—Аврелия Седата (CIL, III, 885). Все остальные солдаты этих надписей, так же как и надписей легиона XIII Gemina, носят римские имена. Аврелиев довольно много, но они не в таком подавляющем большинстве, как в соответственный период в войске Н. Мезии. Очевидно в войске Дакии большее значение имели издавна романизованные элементы.

В Н. Паннонии стояли легионы I и II Adiutrices. Здесь количество греков и восточных уроженцев очень значительно. К сожалению, поддающихся датировке

¹ Сюда относятся надписи из Аквилеи, где часть легиона XI Claudia стояла во второй половине III в. (CIL, V, 878, 893, 940, 948; III, 20008, 2009, 776). Судя по тому, что одна из этих надписей упоминает солдата, убитого в Мавретании, они, вероятно, относятся ко времени от Галлиена до Проба, когда в Мавретании велась война с восставшими туземными племенами. Возможно, что часть легиона была переведена в Аквилею в связи с борьбой Галлиена и Клавдия II с Авреолом.

² Ко II же в. относятся надписи солдат из Анкиры (CIL, III, 6181), Никомедии (AE 1937, № 70), Эдессы (AE, 1901, № 47), Трояды (AE, 1911, № 188), Эфеса (там же, 189), Амастриды (CIL, III, 3844), Эмесы (там же, XXV) и ряда солдат, носящих греческие имена (CIL, III, 822, 1464, 6181, 6762, 7428).

надписей очень мало. Можно судить об их времени лишь очень приблизительно на основании имен солдат¹.

Греки и уроженцы М. Азии, преобладавшие во II в. среди восточных солдат, сменяются в III в. сирийцами. Почти все среди последних носят помен Аврелиев и семитический *согномен*. Это указывает на то, что римское гражданство они получили недавно, возможно, в связи с поступлением в легион (или при отставке их отцов, служивших во вспомогательных частях).

В войске Н. Паннии значительно также количество солдат, сохранивших местные фракийские, иллирийские или кельтские имена. Большинство из них относится к III в. За единственным исключением они все носят помен Аврелиев, следовательно, являются недавними гражданами².

В середине III в. легион II *Adiutrix* был пополнен кельтами из Реции и Норика.

В 267 г. Галлиену поставили надпись командира этого легиона, называвшие себя *municipes ex provincia Raetia* (CIL, III, 3424).

Итак, мы видим, в войске Н. Паннии, как и в других частях дунайской армии, во II в. значительное число греков и уроженцев провинций Ближнего Востока. В III в. их сменяют сирийцы. В это же время появляется значительное количество солдат из местных племен, еще сохранявших свои местные имена и лишь недавно получивших римское гражданство.

Представители иллирийских племен, видимо, в большом количестве привлекались в легионы Н. Паннии уже с конца II в. К этому времени относится надпись получивших отставку солдат легиона II *Adiutrix*, называющих себя *cives Iasi ex provincia Pannonia Superiore* (AE, 1904, № 95).

В В. Паннии стояли легионы X и XIV *Gemina*. Здесь солдаты значительно больше романизированы. Можно указать только несколько греческих и фракийских имен (CIL, III, 3904, 4182, 4184, 4440, 4556, 5702, 6180, 8727, 11148, AE 1934 № 78).

Большинство из последних относится к III в. Несмотря на очень значительную романизацию В. Паннии, местный элемент и здесь в III в. приобрел известное значение.

Еще труднее, чем для легионов, составить себе представление об изменениях в составе *auxilia*. Во-первых, к каждой але или когорте редко относится более 2—3 надписей; во-вторых, предположение о датировке этих надписей можно делать только очень неточно — на основании известных из дипломов дат пребывания соответственной части в той или иной провинции. Поэтому в большинстве случаев можно говорить не о составе отдельных ал или когорт, а об общей приближенной картине изменений в составе *auxilia* в целом.

¹ Возможно, что ко II в. относятся солдаты и центурионы, часть которых указывает в качестве своего местопроисхождения города Греции и Малой Азии: Иконий (CIL, 11030), Пелагония в Македонии (CIL, 10497), какой-то город в Киликии (CIL, III, 11035), Фессалоникии (CIL, III 3528), Анкира (CIL, III 10497), Апамея (AE. 1906, № 108), а часть, видимо, происходит из этих же провинций, поскольку носит греческие имена (CIL, III, 435, 10500, 11034, 3455, 3568, 4285, 4315). К концу II и к III вв. можно отнести, судя по их именам (Аврелии), ряд солдат-сирийцев, происходящих из Сирии (CIL, III, 10316, 10320, 11076, AE 1910, № 127) или являющихся сыновьями ветеранов стоявшей в Интерцизе эмесской когорты (CIL, III, 4308, 3301, AE, 1910, № 128, 144; AE, 1929, № 52).

² Аврелий Иазиан, получивший имя от племени *iasi* (CIL, III, 10837), Аврелий Кастин (там же, 10956), Септимий Цезери (там же 11079), Аврелий Эптацент (там же, 10411), Аврелий Липор (там же, 10580), Аврелий Дролес (там же, 10469), Аврелий... .., происходящий из какого-то села в округе Бассианы—*regio Bassanensi* (там же, 3936), Аврелий Аулопор (там же, 10504), Аврелий Месуквас (там же, 10506), Аврелий Сур (там же, 10569), Аврелий Папиа (там же, 10594), Аврелий Сита (там же, 3553), Юлий Эрависк (там же, 10515), Аврелий Гнилис (AE, 1909, № 196), Аврелий Битус (CIL, III, 10360).

В ряде частей, упоминающихся только в дипломах I в., так что к этому времени можно отнести и надписи их солдат, последние носят германские или кельтские имена или происходят из западных провинций (CIL, III, 2065, 3164, 3256, 3286, 4247, 4228, 4327, 4376, 4377, 5629, 7800, 9675, 9697, 10514).

В надписях, которые можно отнести ко II и III вв., преобладают местные уроженцы, отчасти сохранившие свои фракийские и иллирийские имена, отчасти, особенно в более поздних надписях, вполне романизированные, хотя и неправильно образованные—*praepomen* стоит вместо *cognomen* (CIL, III, 799, 843, 1583, 3394, 3400, 3679, 4360, 4369, 4373; АЕ, 1908, № 136), например Аврелий Марк.

Большую роль в этот же период начинает играть в вспомогательных войсках восточный элемент¹.

Кроме того, мы видим, что формируются новые части из уроженцев Сирии и Пальмиры, как *cohors Sagittarium Gordiana*, *cohors nova Severiana Suroorum Sagittarium*; *numeri Palmyrenorum*, *Suroorum Sagittarium*. Несколько солдат этих *numeri*, известных нам, носят чисто семитические имена (CIL, III, 337, 907, 7893, 7999): Сальмас-Рама, Болхас Боннай, Гурас Иддей.

Как мы видим, во вспомогательных войсках, как и в легионах, в конце II в. и начале III в. оказывается значительное число романизированных уроженцев Сирии и Пальмиры.

Итак, во II в. в дунайской армии было значительное количество (если судить по вышеприведенным спискам, $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{7}$) греков и выходцев из М. Азии, Азии, Понта, Вифинии, а также из Сирии и Пальмиры. Это обстоятельство так же, как и переводы отдельных солдат и командиров и целых частей с Востока, усиливало связь дунайской армии с восточными провинциями. На ориентализацию дунайского войска влияло, вероятно, и значительное количество греческих и восточных рабов, которые, судя по надписям, находились во владении солдат и командиров. Нередки были браки последних со своими греческими вольноотпущенницами. Эта связь с Востоком проявляется в различных сторонах жизни дунайского войска. Так, Дион Кассий сообщает, что Паннонские легионы были склонны оказывать поддержку Авидию Кассию, оставшему на Востоке в конце правления Марка Аврелия. Возможно, что этим отчасти обуславливалась популярность восточной политики Коммода и первых Северов среди дунайской армии, в частности, насаждение восточных культов.

Уроженцы дунайских провинций, служившие во II в. в легионах, как мы видели из списков ветеранов и надписей отдельных солдат, происходили из местных городов. В этом смысле набор в легионы подчинялся здесь общим правилам. Однако можно отметить некоторые особенности. При сравнении списков солдат и ветеранов дунайских легионов, последний из которых падает на 195 год, с аналогичными документами из Египта и Африки бросается в глаза незначительное количество на Дунае солдат, происходящих из лагерей—*castrenses*, которые в упомянутых провинциях составляют от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ всего состава. Лескье и Канья в своих работах об египетской и африканской армиях высказывают предположение, что в этих провинциях—в Египте уже очень рано, в Африке несколько позже—складывается особое военное сословие, так что в армию набирались, главным образом, сыновья солдат.

На Дунае такое военное сословие не возникало, армия пополнялась в основном за счет гражданского населения.

Некоторое исключение представляет Н. Паннония, где, судя по эпитафиям солдатских семей, военная профессия нередко переходила от отца к сыну и даже внуку (CIL, III, 1056, 3276, 3308, 3319, 3398, 3538, 3543, 3660, 9311, 10316; АЕ, 1910, №№ 138, 144).

¹ Встречаются солдаты из Цезарей (CIL, III, 1352), Итуреи (CIL, III, 4371), Аретузы (АЕ, 1910, № 131) и Эмессы (CIL, III, 3334, 10318, АЕ, 1901, №№ 7, 1.6; 1903, № 111; 1909, № 150; 1910, №№ 136, 137; 1929, №№ 50, 51). Многие не указывают своего местопроисхождения, но носят греческие или семитические имена (CIL, III, 793, 901, 3350, 4367, 6267, 7473, 8250, 9735; АЕ, 1902, № 121; АЕ, 1938, № 6).

В других легионах такие случаи редки (CIL, III, 822, 1056, 3284, 4184, 4459; АЕ, 1933, № 248).

В Н. Паннонии часты случаи, когда отец служил в войсках *auxilia*, а сыновья — в легионах. Особенно тесна связь между последними и солдатами эмесской когорты. Это отчасти объясняется тем, что сирийцы, входившие в состав эмесской когорты и в другие части нижнепаннонских вспомогательных частей, не сразу ассимилировались и составляли особую группу, в которой военная профессия становилась наследственной. Но возможно также, что это было связано со слабой романизацией Н. Паннонии, вследствие чего правительство предпочитало брать в войско, по крайней мере частично, сыновей солдат; семьи, в которых два поколения уже состояли на военной службе, впоследствии могли быть более надежными проводниками римской политики и цивилизации среди остального населения.

Однако и в этой провинции многие солдаты во II в. набраны из городов, а сыновья их не поступают на военную службу. В других провинциях Дуная это — общее правило. Военные не только не замыкаются в отдельную группу, но, напротив, связь их с гражданским населением, их роль в муниципальной жизни больше чем где бы то ни было.

Часто высказывавшееся предположение, что ветераны, получив после отставки деньги или землю, по непривычке к мирной жизни и хозяйству быстро разорялись и деклассировались, совершенно не оправдывается для Дунайских провинций. Здесь ветераны и их сыновья занимают почетные места в городах. Их роль проводников римской цивилизации и римской политики сохранялась, таким образом, и после того, как существовавшая до Траяна система назначения отдельных солдат и офицеров начальниками придунайских городов и округов была заменена обычным муниципальным строем.

Особо отличившиеся военные избирались декурионами, магистратами и патронами нескольких городов (CIL, III, 1101; АЕ, 1900, № 155; 1901, № 27, 1911 № 172).

Большую роль в культуре, городской и хозяйственной жизни играли коллегии ветеранов, которые в других провинциях исчезают с середины II в., а на Дунае сохраняются до половины III в.¹

Ветераны входили в культовые (CIL, III, 1054, 10994; АЕ, 1906, № 108) и ремесленные (CIL, III, 354, 1189, 10519) коллегии. В Карнуге даже была коллегия плотников, состоявшая исключительно из ветеранов (CIL, III, 4496). Они были иногда патронами коллегий, магистратами. Вообще, видимо, муниципальная жизнь была тесно связана с жизнью войска, особенно в городах, возникших около легионных лагерей. Так, сенат Троевма ставит надпись в честь префекта лагерей легиона V *Macedonica* (CIL, III, 776), — по мнению Юнга², в связи с тем, что он стал магистратом этого города, когда ему были пожалованы права колонии. В 210 г. посвящение капитолийской троице выполняется совместно легионом II *Adiutrix* и колонией Аквинком (CIL, III, 10428). При Коммодe декурионы каких-то ал дали выполненный затем магистратами Напоки обет воздвигнуть статую в честь императора, если некий прокуратор Элий Констант сделается декурионом этого города (CIL, 865).

Эта характерная для дунайских провинций тесная связь армии с населением и ведущая роль военного элемента возрастают в III в. Однако в это время происходят значительные изменения в принципе набора армии, и соответственно, в ее положении относительно гражданского населения страны.

В работе *Die Conscriptioensordnung des Römischen Heeres*³ Моммзен пишет, что в первые два века империи строго проводилось различие между легионерами, имевшими

¹ Различных магистратов из ветеранов мы встречаем в Саварии (CIL, III, 419, 1192, 4183), Сармизегетусе (CIL, III, 1126, 1485; АЕ, 1936, № 248), Троезме (CIL, III, 6162, 7560), Бригетии (CIL, III, 4298), Аквинке (CIL, III, 1052), Эмоне (CIL, III, 3946), Напоке (CIL, III, 7557, 15827), Виминации (АЕ. 1901, № 206) Дробете (АЕ, 1897, № 84), Ратиарии (АЕ, 1894, № 67), Томи (CIL, III, 770), Никополе (CIL, III, 1560) и других городах (CIL, III, 8194, 9847; »*Öst. Jahreshefte*», 1910, № 29).

² J. Jung, *Inscription aus Apulum*, «*Österreich. Jahreshefte*» 1909, Beiblatt, стр. 142.

³ *Gesammelte Schriften*, B. VI, стр. 45 сл.

обязательно городскую родину, и солдатами *auxilia*, происхождение которых обозначалось их этнической принадлежностью. В III в. упадок юридической мысли и языка привел к смешению понятий, и солдаты стали указывать свое происхождение произвольно, независимо от того, принадлежали ли они к легионам или к *auxilia*. Однако, мне представляется, что причина этого явления лежит не только в смешении юридических понятий, но и в фактическом изменении положения вещей.

В III в. дунайская армия вербуются уже не из местных и азиатских городов, как во II в., а из сельских местностей, причем это относится не только к вспомогательным частям, но и к легионам.

Предположить это позволяет ряд прямых и косвенных данных.

Во-первых, в ряде надписей, относящихся к III в., солдаты непосредственно указывают в качестве своего места происхождения какое-либо село или свою этническую принадлежность, предполагающую отсутствие у них городской родины: солдат легиона I *Adiutrix* Аврелий Кларин, родившийся в Н. Мезии в округе Марцианополя в селе... (CIL, V, 892), солдат легиона II *Adiutrix*, происходящий из какого-то села в округе Бассианы (CIL, III, 33366), Аврелий Мартин, солдат легиона IV *Flavia*, родившийся в каком-то селе округа Виминация (там же, 195), солдат легиона XI *Claudia* Валерий Лонгин из села Абританор в Н. Мезии, легионер Аврелий Мока, родившийся в Дардании в селе Зотиде.

Больше соответственных данных в надписях солдат римского гарнизона III в., поскольку солдаты, оставшиеся в своей провинции, обычно своего местопроисхождения не указывали. Но и римские надписи вполне доказательны, так как преторианцы и *equites singulares* набирались обычно из легионеров и, следовательно, их состав говорит и о составе соответственных легионов.

Ряд солдат здесь прямо указывает своим местом рождения то или иное село или округ¹.

Другие просто указывают свое происхождение из той или иной провинции, обозначая его *natus in provincia Pannonia, Dacia* и т. д. или *natione bessus, rannonius, raciscus, moesiacus* (CIL, VI, 2485, 2425, 2601, 2488, 2494, 2495, 2521, 2525, 2871, 2602, 2662, 2699, 2696, 2697, 3191, 3196, 3447, 3277, 3285, 3392, 3393, 3266, 3292, 3223, 3234, 3238, 3199, 3200, 3201, 3214, 32800). Эти лица, вероятно, также происходили из сел соответственных провинций. Так, в одной надписи мы видим, что эпитафию солдату Элию Матерну, *natione rannonius*, ставит его брат Тит Марцелл, обозначающий себя как *ragnanus* (CLI, VI, 3183). Значит, они происходили из какой-то сельской местности в Паннонии.

Даже если солдат обозначает себя как гражданина—*civis*—какого-нибудь города, то не всегда может свидетельствовать о его городском происхождении. В надписи от 227 г., поставленной солдатами, происходившими из сел в районе Филиппополя, они называют себя *cives Philippopolitanorum*, но в качестве места своего рождения указывают различные села округа. Очевидно, вступая в армию и получая в ней римское гражданство, солдат получал и фиктивную городскую родину, которую он указывал в официальных надписях, тогда как в частных надписях, главным образом в эпитафиях, он сохранял обозначение своего действительного места происхождения. Этим же, вероятно,

¹ Аврелий Муциан из Филиппополитанского округа в надписи от 241 г. (CIL, VI, 30685), солдаты Флавий Приклиан, Клавдий Муциан, Аврелий Валериан, Валерий Максим—уздицы из села Агатапора (там же, 32582), солдаты Эпинад и Флавий Фуск из села в Дардании Тития (там же, 32605), ряд солдат различных когорт, поставивших надпись в 227 г., происходящих из сел в округе Филиппополя (там же, 2807), солдаты из округа Марцианополя (там же, 2808), Ульпий Януарий из села Вольциона около Саварии (там же, 3306), Аврелий Местр из села Биалкоста округа Поталиензийского (там же, 2772), Аврелий Марк из села Статия во Фракии в надписи от 239 г. (там же, 2707), Аврелий Валенс из какого-то села в Мезии (там же, 2818), Аврелий Пассар из округа скордисков в Дакии (там же, 2698), Антоний Патерий из села Киниска в округе Ратирия (там же, 2730), Аврелий Мукон из села Перпера в Мезии (там же),

объясняется то, что в списках преторианцев, сохранившихся, правда, только от начала III в., указывается городская родина солдат.

На сельское происхождение солдат дунайского войска указывает и то обстоятельство, что если во II в. восточные солдаты дунайской армии происходили в основном из городов М. Азии, Понта, Вифинии, Греции и носили греческие имена, то в III в. это главным образом уроженцы Сирии и Пальмиры, сохранившие семитические имена и почти все носившие помен Аврелиев, т. е. получившие гражданство недавно, может быть, тоже в связи с поступлением на военную службу. Особенно характерно усиление роли жителей Пальмиры, где, как известно, было большое крестьянское население, из которого правитель Пальмиры Оденат набрал отряды, разбившие персов во время их победоносного продвижения после поражения и пленения императора Валериана (SHA, XXII, 4. 2),

Если во II в. была сильна связь военных с городами, то в III в. возрастает их связь с селами и сельскими жителями. Так, односельчане ставят эпитафию погибшему в Мавретании солдату Аврелию Даза. Солдат Сервий Эмерит сооружает алтарь Юпитеру от имени жителей vicus Gallogum (CIL, III, 4407), когорты Raetorum и numerus Brittanorum поставили статую Юпитеру за сельчан Миции—*pro salute vicanorum Micensium* (AE. 1901, № 40). В каком-то селе около Бригетция в коллегии почитателей Юпитера было двое солдат (CIL, III, 10994); в надписи от 227 г., содержащей список членов коллегии Вакха, уроженцев какого-то села в районе Никополя, также встречается несколько солдат и ветеранов (там же, 7437).

В связи с этим надо отметить, что в III в. большое значение приобретают в войске объединения солдат, принадлежавших к одному племени или происходивших из одного села и одного округа. Элий Аристид, живший при Антонине Пии, в своем «Панегирике Риму», превознося мудрость римской политики в отношении организации войска, пишет, что перегрины, поступавшие в войско и получавшие римское гражданство, порывали совершенно со своей прежней родиной и даже «впоследствии они стыдятся называть себя гражданами той общины, в которой некогда числились гражданами». Действительно, во II в. мы не видим, чтобы солдаты объединялись для каких-нибудь целей по признаку общности происхождения. Коллективные надписи богам и императорам ставят одновременно получившие отставку ветераны, коллегии различных чинов *imunes*, отдельные войсковые части и подразделения *vexillationes*. Солдат, ставший надгробный памятник своему умершему товарищу, подчеркивал, главным образом, свои отношения к нему, сложившиеся на службе, обращаясь к покойнику: *commilitoni, contubernali, commanipulari, contironi, convetarano*. Он же нередко является и наследником умершего.

Напротив, в III в. над служебными отношениями превалируют родственные и племенные. Это особенно наглядно видно для уроженцев дунайских провинций, служивших в римском гарнизоне.

Особенно характерна уже неоднократно упоминавшаяся надпись от 227 г. (CIL, VI, 2799). Она поставлена Асклепию Зимидрену гражданами Филиппополя, имена которых приводятся вместе с местом рождения и службы. Всего их 19 человек из различных когорт и центурий. Объединяет их общность происхождения и общий культ местного бога¹.

В эпитафиях теперь тоже отмечается нередко, что надгробный памятник поставлен односельчанами и согражданами (CIL, VI, 2732, 3177, 3180 и др.), они же являются наследниками умершего солдата, если у него нет семьи.

Это подтверждает, насколько в III в. возросла связь армии с местным, преимущественно сельским, населением. Вступив в войско и став римским гражданином, если не был им раньше, солдат, тем не менее, оставался гражданином своего села или округа, поддерживал отношения со своими односельчанами и по окончании службы охотно возвращался к себе на родину.

¹ Можно указать аналогичные примеры: CIL, VI, 2807, 2819, 2831, 32605, 60685.

Ветераны в III в. играли в селах значительную роль. Они были там почетные лица, нередко являлись инициаторами в демонстрациях лояльности своих односельчан.

В надписях из сел Н. Мезии и Дакии, представляющих собой посвящения Капитолийской троице за благополучие правящих императоров от различных категорий жителей этих сел, ветераны занимают первое место. В Миции курия ветеранов вместе с односельчанами ставит статую Юпитеру (AE, 1931, № 126). В 233 г. храм Августу за благополучие Александра Севера и его матери выстроили ветераны *consistentes Augusta Trjana* (AЕр., 1933, № 90). В районе Бригегия ветеран Аврелий Виталис ставит надпись в честь двух Августов от имени всех толезийцев, видимо жителей какого-то села (CIL, III, 10982). Ветеран легиона V *Macedonica* Юлий Валерий в качестве магистрата села Веробритана сооружает алтарь гению-покровителю этого села (AE, 1901, № 41). Наконец, ответ Гордиана на известную петицию жителей сел Скаптопорена и Гресей был передан им через солдата Аврелия Пурра, их односельчанина и совладельца, *convicanus et conpossessor*, — вероятно, вследствие того, что он был одним из видных лиц в своем селе.

Ветерану тем легче было занять после отставки почетное место, что, еще состоя на службе, солдаты III в. приобретали значительное благосостояние. Если во II в. они ставили алтари или статуи, то в III в. они могли осуществлять на свои средства и более дорогие постройки¹.

Связь армии с земледельческим населением усиливалась также благодаря тому, что солдаты стали получать для обработки земельные участки из территории своей войсковой части. Интересно, что в одной надписи времени Каракаллы один солдат легиона XIV *Gemina* называет себя *conductor prati Furiani* (AE, 1900, № 156). Как известно, *conductor* был крупный съемщик земли, который затем пересдавал ее более мелкими участками. Но, вероятно, большинство солдат, взяв в аренду войсковые земли, обрабатывали их сами с помощью рабов.

С другой стороны, если солдаты приближаются к положению земледельческого населения, то последнее под влиянием роста опасности со стороны варваров милитаризуется, привлекается к службе в отрядах местной милиции. Так, в одной надписи 239 г. упоминается бенефициарий легиона XIII *Gemina*, бывший одновременно и эдилом Напоки, который командовал отрядом, набранным в селе Самум, какого-то округа, по предположению Моммзена, относившегося к одному из *gentes liberae* Дакии (CIL, 7683). Может быть, к таким же нерегулярным отрядам относились *militae Historicorum* (CIL, III, 3370) и *equites catafractarii pietovensens* (AE, 1901, № 121).

Интересные аналогии мы находим в некоторых частях рейнской армии, главным образом в ее восточной части, в районе Майнца.

Судя по некоторым надписям середины III в., лица, служившие в местной милиции, получали иногда привилегии и иммунитеты не от правительства в общем порядке, как ветераны регулярных частей, а от своих односельчан (A. Riese, *Das rheinische Germanien*, 1787; AE, 1901, № 73; 1909, № 135). Это наводит на мысль, что села как некое целое были обязаны выставлять определенное количество солдат. Возможно, что в связи с этим вышеупомянутый бенефициарий и эдил Напоки, командовавший отрядом из села Самум, по одному из вариантов чтения этой надписи, производил и ценз в этом селе.

¹ При Александре Севере солдат легиона I *Adiutrix* построил для села на свой счет храм Юпитеру (CIL, III, 10984), в то же время корникуларий этого легиона отремонтировал храм различным богам (там же, 11079). В 216 г. ветеран легиона II *Adiutrix* на свои деньги построил часовню для священных знамен своего легиона (там же, 3526); став центурионом, некий солдат легиона II *Adiutrix* выстроил храм гению-покровителю этого легиона (там же, 10403); в 240 г. солдат легиона X *Gemina* подарил храм своим односельчанам (AE, 1938, № 153); при Каракалле Юпитеру и Юноне выстроил храм солдат легиона XIII *Gemina* (CIL, III, 1070); при Александре Севере жена ветерана какой-то вспомогательной когорты выстроила бани для этой когорты (там же, 8153); солдат какого-то легиона и его жена на свои средства выстроили храм Юноне (там же, 10955); храмы Митре и солнцу построили 2 брата — солдаты легиона III *Adiutrix*.

Изменения в наборе в армию и в ее положении отразились и на культуре. К середине III в. надписи в честь восточных богов становятся единичными. Основная масса царских надписей этого периода посвящена Юпитеру и гениям места.

В дунайских провинциях культ гения места наблюдается повсеместно. Его распространение, несомненно, обусловлено переходом солдат к положению землевладельцев, тесно связанных со своей территорией. Такими же причинами, вероятно, обусловлено и появление культа домашнего Сильвана (*Silvanus Domesticus*). Сильван, лесной бог, с которым отождествлялось какое-то местное божество, так же как и Диана, всегда был популярен в дунайской войске. Домашевский объясняет это обилием лесов, среди которых солдаты строили свои лагеря. Но в III в. этот бог часто фигурирует с эпитетом *domesticus*, что, я думаю, также связано с ростом значения домашнего очага для солдата на его земельном участке.

Продолжает почитаться популярный и раньше на Дунае земледельческий бог Либера. Появляются и посвящения матери-Земле. О значении культа Либера в это время свидетельствует то, что считавшийся с настроениями дунайской армии император Галлиен включил этого бога в официальный пантеон высших римских богов и выбил в его честь монету с надписью *Liber Pater Conservator*. Это распространение в войске культов земледельческих богов Либера и матери-Земли лишней раз подтверждает рост связи между солдатами и земледельческим населением дунайских провинций.

Повидимому, дунайская армия оставалась главным оплотом центральной власти во время кризиса III в.

Правда, *Scriptores Historiae Augustae* говорят о двух узурпаторах, выдвинутых войсками и жителями Мезии—Ингенуе и Регеллиане. Сообщения эти очень недостоверны, так как никаких монет этих двух претендентов на престол до нас не дошло. Ван-де-Веерд¹ считает, что Ингенуя и Регеллиана выдвинуло войско В. Мезии, так как первый был наместником соседней с ней В. Паннонии (CIL, III, 4064). Моммзен относит к его жене надпись из В. Паннонии, из *Poetovio—Iuliae Augustae matri castrorum Poetovionensium* (CIL, III, 4064). Если это так, то восстание Ингенуя, очевидно, имело место в В. Паннонии и носило чисто локальный характер, поскольку его жена называется только матерью петовийских лагерей. В пользу этого свидетельствует также одна недавно опубликованная надпись времени Галлиена, найденная в Петовии и представляющая собой посвящение Митре от начальника легионов V *Macedonica* и XIII *Gemina* Флавия Апра, от его штаба и нескольких коллегий *immunes* этих легионов (AE, 1936, №№ 53—56). Возможно, что части этих легионов находились в Петовии в связи с подавлением мятежа Ингенуя. *Scriptores Historiae Augustae* повествуют о расправе Галлиена с населением после подавления восстания и опустошении многих городов в результате проведенной им карательной экспедиции (XXIII, 9, 3). То, что *Scriptores Historiae Augustae* говорят не о Паннонии, а о Мезии, объясняется, возможно, тем, что некоторые волнения были и в этой провинции, однако, видимо, не в В. Мезии, как считает Ван-де-Веерд, а в Н. Мезии.

В 1937 г. была опубликована любопытная надпись из Аквинка (AE, 1937, № 164). Она представляет собой посвящение Марсу от некоего *vir egregius* Клодия Целерина, которому этот бог пришел, по его просьбе, на помощь, когда он находился при легионе VII *Claudia* и был послан «для уничтожения имени жесточайшего господства»—*missus ad eradicandum nomen saevissimae dominationis*—и когда вексиляции Н. Мезии не хотели совлекать со своих военных значков изображений врагов общества—*hostium publicorum*. Тогда, решившись на стычку, он поверг выстроенных в боевой порядок врагов. Альфельд² относит эту надпись ко времени борьбы Галлиена с восточным узурпатором Макрианом и его сыновьями. Макриан, по рассказу SHA, пришел со своим войском во Фракию и Иллирию и здесь был разбит и убит полководцами Галлиена. В приве-

¹ Van de Weerd H., *Étude historique sur trois légions romaines du Bas-Danube*, 1907, стр. 222.

² См. комментарии к этой надписи в AE, данные вместе с публикацией.

ценной надписи интересно, во-первых, то, что стоявший в В. Мезии легион VII Claudia, очевидно, участвовал в войне на стороне Галлиена и, следовательно, вряд ли восставал против него и подвергался наказанию, как сообщают SHA, поскольку восстания Ингенуя и Макриана происходили почти одновременно. Во-вторых, то, что среди частей легионов Н. Мезии было какое-то волнение в пользу «врагов общества», т. е. Макриана и его сыновей. Это, по всей вероятности, и дало повод SHA предполагать, что жители и солдаты Мезии выступали против Галлиена, но, согласно их версии, на стороне Ингенуя и Регеллиана. Путаница эта могла легко произойти вследствие хронологической близости событий и обычной недостаточной осведомленности SHA. То, что в войсках Н. Мезии одно время существовали митежные настроения, подтверждается, возможно, и тем, что одно время при Галлиене в восточной Македонии находились вексилляции легиона II Parthica, стоявшего в Италии, и II Augusta, стоявшего в Африке (AE, 1934, № 193). Может быть, они были присланы для борьбы со сторонниками Макриана, пытавшимися захватить власть в Греции и Македонии. То, что для этой цели не были использованы войска граничившей с Македонией Н. Мезии, а были вызваны части столь отдаленных легионов, показывает, что первые были тогда недостаточно надежны. Возможно, что такое временное отклонение в сторону восточных узурпаторов было вызвано каким-то ущемлением экономических интересов городов Н. Мезии, поскольку нам известно, что во времена Деция, правившего незадолго до Галлиена, они теряют право чеканки своей монеты. Недовольство части населения могло передаваться и связанному с ним войску. Во всяком случае долго это положение вряд ли продолжалось, поскольку на монетах Галлиена среди других дунайских легионов фигурируют и легионы Н. Мезии с эпитетами VI и VII pia fidelis.

Судя по тем же моментам, дунайские легионы были в период кризиса лояльны в отношении Рима.

Все вышесказанное позволяет усомниться в правильности распространившегося в последнее время в западноевропейской литературе взгляда на армию III в. как на сборище деклассированных элементов, которые из бессмысленной ненависти к богатству и культуре истребляли римскую интеллигенцию и погубили античную цивилизацию. Этот взгляд в значительной мере примыкает к традициям римской сенаторской историографии, ненавидевшей солдат и так называемых «солдатских императоров». На деле армия, по крайней мере, наиболее значительная дунайская армия, в III в. была тесно связана с свободным земледельческим населением, солдаты и ветераны были более или менее зажиточными землевладельцами, видными лицами в селах, сельские жители поступали в регулярную армию или участвовали в местной милиции, связанной через своих командиров с легионами и auxilia.

Мне представляется, что именно этот переход к набору солдат из сельских жителей отчасти обусловил роль, которую дунайская армия приобрела в III в. Дело в том, что, по всей видимости, в Дунайских провинциях более, чем в других, сохранялось мелкое свободное землевладение. В Галлии мы только на северо-востоке в надписях III в. встречаем *vici* и *vicanii*. В остальных ее частях ведущая роль переходит к крупным поместьям. В Африке основная масса земли была собственностью императора или крупных владельцев и обрабатывалась колонами. Концентрация земли наблюдается и в некоторых азиатских провинциях. На Дунае же оставалось большое число свободных мелких землевладельцев. Существует мнение, что кое-где, среди *gentes liberae*, сохранялась еще свободная сельская община. Эти свободные крестьяне, несомненно, представляли наиболее благодарный материал для армии. Об этом говорит, между прочим, и Вегеций, писавший, правда, гораздо позже, но использовавший опыт и теорию предыдущих веков. Служба в армии давала крестьянам реальные преимущества. Не имевшие еще римского гражданства получали его и ценили еще это отличие (только на Дунае сохраняется еще в III в. почетное наименование некоторых частей — *civium Romanorum*, распространенное во II в., но исчезнувшее в других армиях после эдикта Каракаллы); они получали землю, представлявшую для свободного крестьянина реальную ценность, получали инвентарь и средства для обработки земли, освобождение от-

налогов и повинностей, что было очень важно тогда, достигали почетного положения среди своих односельчан.

С другой стороны, императоры III в., если не считать так называемых «сенатских императоров», находились в постоянной борьбе с растущим крупным землевладением, были заинтересованы в поддержке армии, состоявшей из свободного крестьянства. Недавно конфискованная у богатых землевладельцев земля не только поступала в собственность императора, но и раздавалась солдатам. Возможно, что в событиях III в. армия выступала не только как вооруженная сила, но и как представительница связанных с ней слоев мелких свободных землевладельцев, заинтересованных в сильной центральной власти, способной ограничить притязания крупных собственников. Этим, может быть, объясняется распространение в III в. в армии императорского культа, а также культа Юпитера, символизировавшего мощь римского государства. С этим вполне согласуется то, что Галлиен, чрезвычайно популярный среди солдат дунайской армии и ненавидимый сенатской историографией, старался поднять значение Юпитера, как верховного бога империи и войска, и выбил в его честь ряд монет с соответственными надписями и изображениями.

Е. М. Штаерман
